

Проделка йогина

*«Самый главный наш девиз – получить победный приз!»
(детская кричалка)*

Зигмунд был попугаем завистливым.

Зависть бывает разной, бывает белой, зеленой, нежно-желтой, или даже черной. Зависть Зигмунда включала всю доступную воображению палитру оттенков: он люто ненавидел кота Барсика за подхалимаж к хозяйке, бессильно скрипел клювом от ваноговской пестроты аквариумных рыбок, невыносимо страдал при виде гордо дефилирующего во дворе соседского пекинеса Чупы.

И если рыбки были тварями безынициативными и всем коллективом лишь бесцельно мигрировали по аквариуму, то скотина Барсик мало того, что числился в любимчиках, так еще норовил с победным видом развалиться у клетки и вызывающе мурчать. Зигмунд кипел от ярости и лелеял планы адской мести.

Но планы так и оставались планами, а жизнь не менялась. Проблема состояла в том, что цвет перьев Зигмунда был мутно-зеленым, почти селадоновым, словно перекишенный огуречный рассол. Вдобавок ко всему он не разговаривал, что для попугая совершенно не допустимо. Уж сколько над ним хозяйка не билась, даже знакомого логопеда-дефектолога приглашала, – клюв Зигмунда издавал лишь омерзительное шипение.

Хозяйка огорчалась, Зигмунд злился, Барсик злорадствовал, рыбки всех игнорировали. Самое обидное, что прочная клетка не позволяла Зигмунду выйти на свободу и расправиться с ненавистным Барсиком и проклятыми карасями. Приходилось терпеть, с горечью наблюдая в окно, как вольно ходят во дворе люди.

Так продолжалось бы еще долго, пока однажды Зигмунд не подслушал телефонный разговор. Его хозяйка, его законная хозяйка заказывала гранулированный корм для какой-то неизвестной канарейки. Это оказалось последней каплей. От несправедливости и обиды Зигмунд закаменел и свалился с жердочки. Внизу насмешливо фыркнул Барсик. Но Зигмунду было уже плевать. Нахохлившись, невидяще уставившись в одну точку, он представлял, как подлая канарейка восседает в его клетке и как весь этот восхитительно-полезный поливитаминный корм исчезает в ее прожорливом клюве. Остро болело сердце, отдавая в левом крыле, и даже доносившийся со

двора истерический визг получившего поджоппик Чупы совсем не повышал настроения.

Жизнь рухнула.

Школьные каникулы закончились, и Семён перекрестился. Теперь предстояло пережить городские праздники.

Вообще-то, дворником Семён был хорошим и ненавидел всего три вещи: семечки, школьные каникулы и гордого пекинса Чупу из двадцать второй квартиры.

И если вопрос с семечками пока оставался открытым, а Чупа периодически получал заслуженный поджоппик (когда не видела хозяйка, Элеонора Генриховна), то со школьными каникулами была просто беда.

Кроме того, у Семёна был личный враг Михалыч. Какой-то древний китайский мудрец, любуясь проплывающим мимо трупом, глубокомысленно изрек, что врагов надо выбирать правильно. Семён не выбирал, просто само как-то получилось, что коллега-конкурент из соседнего двора вот уже на протяжении многих лет вел серьезную партизанскую войну: сваливал мусор под контейнерами на семёновой территории, перегонял подростков пить пиво на его детскую площадку, и даже опустился до окончательной подлости – утянул запрещающий знак с кирпичом, и теперь все машины устроили парковку у дома Семёна, активно загрязняя хрупкую окружающую среду и доводя жильцов до нервного срыва. Да и фамилия у Михалыча была под стать мировоззрению – Недоброхотин. Ерунда прямо, а не фамилия.

А еще Семён был влюблен. Безответно, и оттого особенно безнадежно. Объектом пылкой семёновой страсти была белокурая Тамара из шестнадцатой квартиры. Непрístupная, как арктический айсберг, она имела высшее филологическое образование и жила крайне одиноко: и хоть в ее квартире обитал кто попало – от жирного кота Барсика до стайки экзотических аквариумных рыбок, – обычных мужиков, к счастью, не наблюдалось. Ввиду отсутствия последних Семён всячески пытался к Тамаре подкатить, но всегда крайне неудачно. Поэтому он неистово страдал и от огорчения однажды даже хотел повеситься, но потом передумал. Тогда он решил писать стихи, и даже специально купил блокнот в розовом переплете с рисунком в виде пронзенного стрелой сердца с красивой надписью: *«Вчера упала первая слезинка из-за тебя, ну за что мне все это!»*. На первой странице Семён попытался изобразить профиль Тамары, но вышло что-то больше похожее на пекинса Чупу, поэтому страницу пришлось вырвать. От такого варварского обращения блокнот моментально развалился и стихи писать дальше стало невозможно.

Иногда Семён видел через окно, как Тамара гладит Барсика, или подсыпает корм попугаю в клетку. Он тут же представлял, как хорошо быть этим котом, когда такие нежные руки гладят тебя и тискают. Наблюдая, как Барсик по-хозяйски прижимается к восхитительному тамариному бюсту, Семён бессильно завидовал. Да что тут говорить – даже попугаем быть и то лучше – можно сколько угодно смотреть на Тамару, не опасаясь гневного взгляда в ответ.

В общем, Семён страдал, как мог.

Где-то приблизительно в это же время великий йогин Ринпоче плотно отобедал проросшими зернами пшеницы и, по обыкновению, впал в священную медитацию. Он смежил веки, выпучил третий глаз и ментально присосался к энергетическому каналу Вселенной. Вселенная вибрировала синхронно с дыханием великого йогина. Вокруг безмятежно разливалась Гармония. Но вдруг бесстрастный лик Ринпоче осенила мимолетная тень. Внутренний миропорядок что-то нарушало. Мастер потянулся к источнику разлада и обнаружил две страдающие души.

Великий йогин сокрушенно покачал головой и усилием воли выпустил эти мятежные души навстречу своим желаниям. Вселенная вновь стала гармоничной, йогин заслуженно впал в блаженную нирвану, а души попугая Зигмунда и дворника Семёна поменялись местами.

***

Очнулся Семён почему-то в клетке. «Твою дивизию, где это я?» – затрепетала первая мысль. Семён хотел по привычке почесать нос, но вместо руки обнаружил крыло в перьях, к тому же блекло-зеленое.

– Что за чёрт! – воскликнул Семён. – Я ангел?

Тамара встрепелась и подбежала к клетке:

– Зигмунд, милый, ты заговорил! – радостно взвизгнула она, – скажи еще что-нибудь!

– Ахренеть! – непослушным клювом пролепетал Семён и попытался упасть в обморок.

– Ругаться не хорошо, – обрадовалась Тамара и щедро подсыпала корму. – Кушай, солнышко, ты заслужил.

Пока вконец обалдевшее «солнышко», взъерошив перья, пыталось переварить ситуацию, Тамара метнулась к телефону и принялась всем хвастаться.

Барсик забился под стол и оттуда сверкал двумя злыми крыжовниками.

Не прошло и часа, как верные подруги собрались у Тамары.

– Пусть скажет что-нибудь, – строго потребовала Людка, которая работала в библиотеке, поэтому на слово не верила никому и всегда перепроверяла все лично.

Все выжидающе уставились на попугая.

– Замуж тебе пора, – сообщил Семён и для убедительности щелкнул клювом.

– Смотри, разговаривает, – ахнула Светка. Она была искусствоведом в районном музее и отличалась экспрессивным нравом.

– Но ведь правду говорит, пора, – хихикнула Тамара.

Людка насупилась:

– Еще скажи что-нибудь, – заявила она попугаю, и искоса глянула на Тамару. – Может, ты его только этому и научила.

– Людочка, ты очень красивая, – решил выручить хозяйку Семён и добавил, – и умная.

Людка польщенно восхитилась. Подружки захихикали. Допрос продолжался.

Через какое-то время самый авторитетный в мире консилиум – боевые тамарины подруги – признал попугая Зигмунда полностью профпригодным.

И понеслось...

Подруги теперь ежедневно собирались в Тамариной квартире. Они спрашивали Семёна, и тот отвечал какую-нибудь забавную остроту. Подруги млели, хихикали, и наперебой подкармливали его питательным гранулированным кормом и семечками. Семён отъелся, потолстел и уже с трудом взбирался на жёрдочку. Позабытый Барсик скромно и незаметно существовал где-то под кроватью. Рыбки тоже ушли на задний план и старались лишней раз не отсвечивать. Во всем пространстве квартиры теперь царил только Семён, жизнь была прекрасна и удивительна.

Так Семён прожил в клетке несколько замечательных счастливых дней. Нельзя сказать, что это ему не нравилось – все было необычным, предметы – невероятными, в общем, тепло, сытно и на работу ходить не надо. И главное – он теперь мог смотреть на Тамару сколько угодно. Однако при этом она оставалась все такой же недостижимой. Что ж, Вселенная иногда исполняет желания, но при этом нужно правильно их формулировать.

Так продолжалось бы еще долго, пока однажды клетку с Семёном не перенесли в спальню.

Все произошло в этот ужасный день, точнее вечер, когда Тамара зашла в комнату и принялась раздеваться. И тут перед Семёном открылась суровая

действительность во всем ее неприглядном виде: лишь только были сброшены туфли, как шикарная тамарина попа моментально обвисла над ставшими вдруг слишком короткими кривоватыми ногами. Жуткую метаморфозу усугубил внезапно образовавшийся живот. О коварстве итальянского утягивающего белья Семён раньше даже не подозревал, и когда вдруг живот вывалился двумя могучими складками, Семён чуть не свалился с жердочки. Дальше было еще хуже. Когда наступила очередь бюстгальтера, Семён затаил дыхание. Но тут вдруг оказалось, что груди как таковой у Тамары совершенно нет! Вообще! А то, о чем Семён так грезил долгими бессонными ночами, – пшик, иллюзия в виде двух лунообразных поролоновых вставок. Все мечты коту под хвост! Контрольным же выстрелом стал момент, когда Тамара у зеркала сначала принялась отклеивать ресницы, затем и вовсе зачем-то намазала все лицо какой-то густой белой дрянью и после этого вытерлась – Семён сидел тихий, ошалевший и с каким-то потусторонним ужасом созерцал бледно-невзрачное существо, которое когда-то было красавицей Тамарой, демонической женщиной, практически мечтой поэта.

И Семён прозрел: смотрел, смотрел на Тамару и не понимал, как он мог страдать из-за такой...

А когда поздним вечером это коварное блеклое существо, вооружившись полным подносом сдобных булок, уселось возле семёновой клетки и, чавкая, принялось нудно читать вслух Марселя Пруста, Семён взвыл и срочно захотел обратно – в дворницкую.

Тем временем во дворе пришел в себя попугай Зигмунд:

- Семён! Ты оглох? Тама мусору навалили. И всё мимо контейнеров, гниды косорукие... в евросоюз бы всех сослать, к арабам! И это... тама твои жильцы с утра вопят, – подзапухший мужик с многодневной щетиной больно хлопнул Зигмунда по плечу и радостно выдохнул перегаром. – Иди, убирайся, раз непорядок развел...

От неожиданности Зигмунд выпал из протрации, заморгал и уставился на мужика. Тот, покачиваясь и распространяя сивушные ароматы, аккуратно обошел припаркованную машину с тонированными стеклами, старательно соблюдая дистанцию. Растрепанная метла волочилась за ним, как хвост за Барсиком...

Барсик! Не к месту вспомнив ненавистного кота, Зигмунд скривился и перевел взгляд – в зеркальном окне машины отражался долговязый человек в

синем спецовочном фартуке. «Это я?» – последнее, что успел подумать Зигмунд перед тем, как асфальт стремительно ринулся навстречу.

Неизвестно, сколько так бы пролежал Зигмунд, но солнышко стало ощутимо припекать, поэтому пришлось подниматься. Человеческое тело слушалось хорошо, а память прежнего хозяина услужливо прояснила ситуацию. Окинув орлиным взором двор, бывший попугай Зигмунд, а ныне человек Семён в ранге дворника, оценил свои новые владения и обрадовался – двор был большой, жильцов много, и теперь царь и бог здесь он.

Пес его знает, как бы все дальше сложилось, но тут в самый разгар мечтаний под ноги Зигмунду метнулся Чупа и попытался цапнуть. Зигмунд от души засандалил смачный поджопник и гордый пекинес Чупа, истерически повизгивая, унесся куда-то в сторону гаражей. На сердце ощутимо потеплело.

Жизнь была так прекрасна.

Восхищенно любуясь идеально плавной траекторией полета Чупы, Зигмунд не заметил внезапно нагрянувшую Элеонору Генриховну, которая неотвратимым «Титаником» выплывала из подъезда и все прекрасно видела.

В раскалившемся воздухе отчетливо потянуло серой.

– Вы что себе позволяете?! – густым басом взвыла Элеонора Генриховна, продолжая надвигаться всей массой и пыхтя, как вскипевший чайник.

Зигмунд даже не дрогнул:

– Поджопник Чупе дал. А что? – флегматично ответил он и, глядя в тонированное стекло джипа, пригладил пятерней волосы. – У вас расчески не найдется?

Элеонора Генриховна побагровела и попыталась что-то сказать, но смогла издать лишь сдавленное мычание.

– Вот что за женщина, – продолжал ворчать Зигмунд, – элементарной расчески – нету, воспитанием пса заниматься – не желаем, ближнему помочь – да ни в жизнь! Вы бы хоть в церковь сходили, исповедались, что ли...

– Нет на вас бога! – наконец-то смогла выдохнуть Элеонора Генриховна.

– О, – вздохнул Зигмунд. – Чуть что – сразу все о боге. Лицемеры. А объясните-ка бедному необразованному дворнику элементарный вопрос: почему супралапсарианский партикуляризм не соответствует библейской сотериологической доктрине, а?

Элеонора подавилась невысказанной фразой, фыркнула и, подхватив Чупу на руки, поспешно ретировалась с поля боя.

Шпионивший неподалеку Михалыч громко восхитился. Впервые в истории двора простой дворник так лихо заткнул за пояс саму Элеонору Генриховну. Такое дело нужно было срочно обмыть, о чем Михалыч без обиняков и сообщил коллеге.

Зигмунд согласился, и пакт о перемирии сторон был заключен.

Михалыч достал пыльную бутылку, любовно закупоренную початком кукурузы. Вонзил зубы и со стоном нетерпеливо расшатал. Затем ловким рывком выдрал пробку. Выплюнув кукурузину, щедро разлил мутноватой жидкости. Дворницкую затянул густой сивушный запах.

– Ну, значит, как говорится – за нас, трудящихся, – воодушевленно сообщил Михалыч и, внимательно глядя, как Зигмунд выцедил стопку, тут же строго добавил. – Между первой и второй перерывчик не большой.

Зигмунд не возражал, – видимо, у людей так принято. Стало жарко.

– Третья за милых дам, и гусары пьют стоя, – подмигнул Михалыч и, крякнув, поднялся.

– Нет, нет, нет! – отчаянно замотал головой Зигмунд, глядя снизу вверх на коллегу, – мы так не будем.

– Почему это? – махнул вилкой Михалыч, и соленый огурчик удивленно завис в воздухе.

– Мы не гусары! Мы – дворники, а дворники – это элита человечества, богема, – провозгласил Зигмунд и гордо расправил плечи.

Михалыч от неожиданности икнул и даже перестал вымакивать корочкой хлеба в банке со шпротами:

- Эммм... ну ты загнул.

– Я докажу, – зачастил Зигмунд, торопливо закусывая килькой в томате, – вот, ты Михалыч, сам смотри: Андрей Платонов писатель? Писатель. Но он же был дворником? Был! А Пенкин! Четыре октавы! Легенда! А был ведь сперва дворником! Отсюда вывод – еще неизвестно, стал бы кто-то из них такой легендой, если бы не был дворником! Теперь ты меня понимаешь?

– Эвона как..., – заплетающимся языком восхитился Михалыч и попытался вилкой подцепить маслину. Маслина спружинила куда-то в сторону, вилка вонзилась в стол, но Михалыч даже не заметил. – Семён! Голова у тебя...эх-мааа.... Слышь, Семён, а давай... давай тогда за всех дворников! За кузнецов этих... талантов!

– За богему! – назидательно поправил Зигмунд и лихо опрокинул стопку...

Взошла анорексичная луна и, выполнив обязательный маршрут по небосводу, с любопытством заглянула в дворницкую сквозь немывтое оконце. Ее взору открылась любопытная картина:

– Жизнь – это такая штука... такая... ерунда ... все коты – сволочи... и вообще, вот я тебе что скажу... только по секрету скажу... на самом деле меня зовут Зигмунд, – доверительно сообщил Зигмунд пустой бутылке и смахнул слезу. Рядом под столом всхрапнул Михалыч. – Не веришь? Зря! Так меня назвала хозяйка... да.... в честь этого... как его... Иммануила Канта...

Когда Зигмунд проснулся, было уже вечер непонятно какого дня. Он застонал. Собрав всю силу воли, кое-как дополз до крана, с третьей попытки открыл вентиль и жадно припал к воде. Голова раскалывалась, пол ходил ходуном.

На шум проснулся Михалыч, и на столе тут же материализовалась новая бутылка с мутной жидкостью:

– Нужно поправить здоровье, – авторитетно заявил Михалыч и Зигмунд обреченно взвыл.

Да уж, быть человеком – ужасно тяжело.

Вспомнился уют родной клетки, остро потянуло домой.

А в это время великий йогин Ринпоче безуспешно пытался сконцентрироваться. Сперва он тщательно проинвентаризировал чакры. Но там было все нормально. Тогда он согнул правую ногу в колене, взял правую стопу кистями и положил ее на основание левого бедра так, чтобы пятка находилась около пупка. Затем великий йогин согнул еще и левую ногу и, держа левую стопу кистями, поместил ее на основание правого бедра так, чтобы и эта пятка тоже оказалась около пупка. Подошвы у него при этом стали вывернутыми кверху. Посидев таким способом пару минут, Ринпоче почувствовал, что все равно что-то не так – знакомая любимая поза не давала возможности достичь правильного равновесия для медитации. Тогда йогин закрыл глаза и осмотрелся вокруг внутренним зрением. Как обычно, две знакомые страждущие души вновь нарушали Гармонию. Ринпоче заскрежетал зубами и мощным усилием воли поменял их обратно.

Так души попугая Зигмунда и дворника Семена вернулись на свои законные места.

Гармония вновь была восстановлена.

***

И попугай Зигмунд зажил спокойной попугайской жизнью в своей любимой клетке. Он перестал завидовать и обрел душевное равновесие. Даже кот Барсик настроения не портил. Белокурая Тамара так и осталась одиноким айсбергом в своей шестнадцатой квартире и, говорят, завела кого-то еще – то ли хомячка, то ли гваделупскую игуану.

А дворник Семён внезапно написал трогательные стихи о любви и их сразу напечатали в районной газете «Трудовая вахта». Он так их и назвал – «Стихи о любви»:

Стихи о любви

автор - Семён Рыбкин

Каждый год переполох у всех: весна!
Организмы в яростном ажиотаже.
Все на взводе – от микроба до слона.
Возбужденность у трехпалого ленивца даже.

Вот марал-самец, услышав Вечный Зов,
Бьет копытами, кипят-бурлят гормоны:
Он ради любви уже готов
Одолеть все Камасутры Рубиконы.

Вдруг взаимность робкий зяблик получил,
Два глиста сплелись в любви порыве,
Ненасытно вожделение горилл –
К росту популяций в перспективе.

Похотливо стонет в луже крокодил,
Веслоногая лягушка захлебнулась криком,
Усоногий крабик совершенно поразил,
Овладев собою необузданно и дико.

Как развратен оказался хомячок!
Сколь греховны помыслы пингвина,
Копулирует с женой в пыли сверчок,
И при всех блудят толпой сардины...

Верно все! Природа знает толк –
Ведь ее так боги сотворили.
Так какого ангела мы ждем?
Лучше бы кого-то полюбили!

Во дворе жизнь продолжалась по-прежнему.

Задорно светило солнце. Осторожно гулял пекинес Чупа. О чем-то сварливо чирикали воробьи. На детской площадке подростки пили пиво (пока не видит Элеонора Генриховна). Они громко возмущались криворукостью какого-то нуба под ником Мегатаурен и вторжением Пылающего Легиона на Азерот. Заперев дверь в дворницкой, и плотно задернув линияющую шторку, терзал раздолбанную гитару Михалыч. Поминутно сверяясь с накорябанными на мятом листочке словами, он пытался спеть отрывок из «Призрака оперы». В четыре октавы.

И тут великий йогин Ринпоче решил помедитировать...

(Лабытнанги, 15.01.2017 г.)